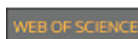

Осипова О. И. Магический реализм сквозь призму художественного конфликта / О. И. Осипова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 254—268. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-254-268.

Osipova, O. I. (2020). Magical Realism through the Prism of Artistic Conflict. *Nauchnyi dialog*, 11: 254-268. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-254-268. (In Russ.).

УДК 821.161.1+82-311.2+82-344

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-254-268

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА

© **Осипова Ольга Ивановна (2020)**, orcid.org/0000-0001-6783-9378, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет» (Владивосток, Россия), fia-fa@mail.ru.

Рассматривается вопрос о конфликте в произведениях магического реализма. Сообщается, что произведения магического реализма получили распространение в XX веке в литературе разных стран и заняли прочное положение в русской литературе последних десятилетий. Уделяется внимание знаковым произведениям в современной русской литературе, написанным в русле магического реализма. Представлены результаты анализа бинарных оппозиций на уровне хронотопа и системы персонажей в произведениях М. Петросян «Дом, в котором ...» и Е. Некрасовой «Калечина-Малечина». С помощью сопоставительного и интертекстуального методов доказано, что традиционный неореалистический конфликт двоемирия, характерный для литературы XX века, изображается в произведениях магического реализма, исходя не из принципа противопоставления двух миров, а на основе их взаимопроникновения и доминирования ноуменальной реальности над фантастической. Доказано, что общность антиномий и бинарных оппозиций парадигматически объединяет данные произведения, это позволяет сделать вывод о единстве художественного мира магического реализма как отражения авторской позиции. Типологический подход, поиск интертекстуальных связей определяют актуальность исследования для современного литературоведения. Новизна исследования заключается в том, что сопоставление текстов позволяет увидеть способы моделирования конфликта в его вариантах с учетом специфики произведений магического реализма, кроме того, оба текста еще не становились объектом анализа сквозь призму конфликта.

Ключевые слова: конфликт; магический реализм; двойничество; хронотоп двоемирия; время; пространство; Е. Некрасова; М. Петросян.

1. Введение в проблематику

Существует несколько терминов для обозначения совокупности произведений в мировой и отечественной литературе, в которых в реалистическое повествование вплетаются фантастические, мистические, мифоло-

гические элементы. Наиболее популярным из них является «магический реализм».

Магический реализм обладает набором устоявшихся признаков, что позволяет некоторым исследователям, с одной стороны, говорить о нем как о художественном методе с определенным набором типологических черт: «... должен быть метод магического реализма, который существует как отчетливый и определяемый литературный феномен» [Bortolussi, 2003, р. 280]. С другой стороны, в зарубежном литературоведении магический реализм определяется как «специфический тип повествования, в котором очевидно реалистическое смешивается с неожиданным и необъяснимым и в котором элементы сна, сказки или мифологии сочетаются с повседневным, часто в мозаичной или калейдоскопической форме преломлений и повторов» [Drubbe, 2000, р. 630]. Также интересна точка зрения А. А. Гугнина, который при анализе генезиса магического реализма в западноевропейской литературе писал о нем как о течении: «Магический реализм как литературное течение практически ничем не брезговал из арсенала реализма и даже натурализма, когда речь шла об описании деталей и отдельных эпизодов, но использовал в то же время ряд специфических приемов, позволявших увидеть реалистические детали и эпизоды в совершенно новом свете; элементы реализма в рамках магического реализма приобрели роль художественного приема, хотя и важного, но подчиненного более глобальной задаче, встроенного в совершенно иной и с традиционной точки зрения скорее фантастический контекст» [Гугнин, 1998, с. 43]. В целом следует отметить, что магический реализм — это «международное явление, преодолевающее национальные и языковые границы, уходящее корнями во множество литературных традиций» [Цит. по: Schroeder, 2004, р. 4].

Исследователи отмечают, что магический реализм свойствен и русской литературе, причем не только последних десятилетий: «В русской классической прозе есть ряд реалистических произведений с чудесными событиями вкраплениями. Такие чудеса связаны с очевидным нарушением законов природы, не поддаются интерпретации с позиции материализма и не вписываются в «научную картину мира». Подобные мистические события — в авторской модальности — не вымысел, а отражение потустороннего мира, многими нитями связанного с познаваемой реальностью» [Кихней, 2020, с. 19]. Но отметим, что использовать понятие «метод» применительно к современной русской литературе не представляется корректным. В русской литературе последних десятилетий магический реализм — это особый способ мировидения, художественного мышления, безусловно, находящий отражение в структурных и содержательных элементах произведения, но

не позиционирующий себя как «метод». Появление магических элементов в описании реальности обусловлено авторским взглядом на мир под особым углом, что обеспечивает равную валидность проявления в тексте обыденного и сверхъестественного, при этом явления этого и иного мира неразрывно связаны (это может касаться категории времени), взаимопроникают (особенно это проявляется на пространственном уровне), приобретают двукодовую природу (образный уровень). Читатель вынужден примерять в своем сознании две реальности текста, в то время как автор демонстрирует противоречащие друг другу рациональную и иррациональную точки зрения.

Одним из определяющих принципов изображения данного художественного мира является система двоимирия, которая претерпела существенное изменение по сравнению с романтизмом и символизмом. Основным способом изображения действительности в произведениях магического реализма — двойственность. При этом ирреальный пласт в изображаемом может иметь подчиненный характер, то есть вторая реальность, которую писатель должен правдоподобно изобразить, не становится отраженным мистическим светом иного мира, способом бегства от реальности, а оказывается вмонтированной в ноуменальную повседневность. Но такой принцип не всегда реализуется, ему противопоставлен синтетический способ изображения мироустройства, при котором выстраиваемая в произведении вселенная основана на близости двух миров, градация проходит на образном уровне: кто-то из героев способен видеть явления иного мира и сосуществовать с ними, кому-то они недоступны. Исследователи отмечают разные способы взаимодействия магического и реального: «сбалансированность объема магических и реальных феноменов, изображаемых в тексте, “двойная утилизация” отдельных образов, а также фузионность реального и ирреального кодов» [Биякаева, 2017а, с. 70].

Авторская модальность определяет способ изображения конфликта. Мы считаем, что принципы построения художественного мира произведения базируются на конфликте, который хочет изобразить автор.

Мы ставим своей целью выявить некоторые принципы создания конфликта в художественной системе магического реализма. Данная проблема не исследована, кроме того, в область рассмотрения мы включаем произведения, которые не были ранее проанализированы сквозь призму конфликта: роман М. Петросян «Дом, в котором ...» и роман Е. Некрасовой «Калечина-Малечина».

Задачи статьи состоят в рассмотрении характерологического конфликта в указанных романах и анализе уровня хронотопа, который моделирует конфликт двоимирия в романах.

Конфликт в литературоведении часто определяется как некое столкновение или борьба разнонаправленных сил во внутреннем мире персонажей и во внешнем пространстве. Мы ориентируемся на представление А. Г. Коваленко о конфликте как единстве антиномий и бинарных оппозиций, проявляющихся на всех уровнях художественного произведения (на уровне хронотопа, идеи, композиции, сюжета, системы персонажей и т. д.) [Коваленко, 2003—2004, с. 8]. Ученый предлагает начать с выявления в тексте «элементарных» оппозиций, которые образуют базовые антитезы, а затем выявлять более сложные антиномические системы, образующие конфликтную напряженность текста. К базовым антитезам А. Г. Коваленко относит пространственные, временные, онтологические и антропологические основы. Как правило, двойственность персонажей в литературном тексте определяет характерологический конфликт.

На наш взгляд, магический реализм базируется на типе онтологического конфликта. Данный тип конфликта определяется в произведениях, в которых есть два мира, иной и реальный, и в которых обнаруживаются пространственные и временные антитезы (день — ночь, прошлое — настоящее, старое — новое и т. д.). Тем не менее конфликт двоемирия в произведениях магического реализма отличается от конфликта двоемирия художественных систем романтизма и символизма.

Роман М. Петросян «Дом, в котором ...» пронизан системой антиномий, которые мы можем обнаружить на формальном и содержательном уровнях. Именно противопоставление двух миров становится узловым моментом конфликта и формирует остальные структуры бинарных оппозиций. Наличие магического мира определяет бинарные оппозиции на уровне хронотопа и системы персонажей (характерологический конфликт).

В произведении Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» конфликт строится на противопоставлении мира и «антимира» [Громова, 2019, с. 273], под последним понимается раздробленное и хаотически устроенное бытие, которое способно было усовершенствовать только мистическое существо — Кикимора.

2. Характерологический конфликт

В романах магического реализма широко представлен характерологический конфликт, проявляющийся в двойничестве персонажей. По мысли А. Г. Коваленко, «двойники — это многочисленные персонажи произведения, в которых реализуется одна из граней авторского сознания и которые воплощают те или иные стороны конфликтной напряженности. В узком и специфическом смысле двойник — это “материализованная” “копия” ге-

роя, благодаря которой конфликты из временного ряда переводятся в одновременно-сопоставительный (М. Бахтин) пространственный ряд» [Коваленко, 2003—2004, с. 8].

Отметим, что в романе М. Петросян «Дом, в котором ...» характерологический конфликт представлен несколькими семантическими пластами. Двойничество героев, способных жить по ту и эту сторону реальности, перемещаться в пространстве, представлено в мотиве оборотничества (особенно это очевидно в образе Слепого, который в иной реальности превращается в крупное животное). Временные смещения в романе также позволяют говорить о двойничестве, например, параллель Кузнечик и Сфинкс выстраивается читателем только на основе сходства увечья обоих, но изменения характера и внешности героев объясняются лишь в конце повествования. Кузнечик и Сфинкс — две ипостаси героя: светлый, чистый ребенок и взрослый, жестокий, умный, знающий суть человека и разочаровавшийся в мире и жизни. Подчеркивается двойничество этого героя на уровне композиции: основное повествование о взрослом Сфинксе прерывается «интермедиями» о детстве Кузнечика. Многопланов образ Шакала Табаки, который имеет ипостаси в этом и ином мире, а в конце произведения оказывается одним из демиургов мира, «хозяином времени», способным менять судьбу: *Я — Табаки, клещащий клочки с первого взгляда. Крестный для многих и многих. В каждом из рождений — сказитель, шут и хранитель времени. Я всегда отличу дракона от человека* [Петросян, 2009, с. 377—378].

Двойственность персонажей возникает за счет особого нарратива: повествование от первого лица одного из персонажей, ограниченного в знании и видящего только современность, сменяется объективированным повествованием от третьего лица. Подобная смена нарратива определяет характеристику главных персонажей: Слепого, Сфинкса, Табаки, — каждый из них на иррациональном уровне повествования имеет «двойника» и предстает в разных воплощениях.

Именно пространство Дома и населяющие его являются носителями магии иного мира. Отмечает это и А. В. Биякаева: «В магическом реализме земля диктует правила, и аборигены, связанные с ней, находятся в привилегированном положении. В “Доме ...” аборигенами предстают дети Дома и дети Леса: они отмечены этими территориями как свои, им открыты тайные тропы, неведомые дали, чудесное и ужасное» [Биякаева, 2017б, с. 136].

Характерологический конфликт — одна из граней авторского сознания в романе Е. Некрасовой — строится как многоуровневый в силу семиотической многослойности текста. Первый уровень охватывает всех персонажей романа и проявляется в антиномических связях «выросших» и

«невыросших». На втором уровне проявляются отношения притяжения — отталкивания двух героинь, Кати и Лары. Девочки — противоположности, причем их близость и одновременно различие неоднократно подчеркиваются повествователем. Лара из обеспеченной семьи, у нее мама, которая *радостно улыбалась, красиво одевалась, вкусно готовила, говорила со всеми невыросшими, даже с Катей, как с выросшими и равными ей людьми* [Некрасова, 2020, с. 23]. Лара ближе к миру выросших, чем Катя: *Лара общалась с родителями так, будто она с ними — компания выросших друзей, которые собрались вместе пообщаться* [Там же]. Мир Лары — это не «катится-колошматится каждый день», это мир благополучной девочки, из которой воспитывают принцессу. Но именно взрослость Лары приводит к трансформации подруги в сознании героини: *Когда монстр Лары у доски положил мел, учительницазавр проговорил что-то и протянул плоский предмет. Монстр Лары приполз обратно и сунул этот предмет Кате в ладони* [Там же, с. 31]. Одновременно с этим Лара — единственная подруга Кати, и ссора с ней наравне с другими событиями разрушает душевное равновесие героини.

Сложные связи Кати и остальных невыросших — третий уровень характерологического конфликта. Причем здесь намечаются две сюжетные линии: Катя и одноклассники, подвергающие ее травле из-за неуспешности, дети в лагере, преследующие ее из-за того, что она вмешалась и попыталась защитить другую девочку, и Катя и невыросшие во дворе. В первой сюжетной линии образы невыросших и выросших часто сливаются: *Невыросшие превратились в мявжающих монстров. Учительница — в монстра покрупнее* [Там же, с. 30]. Трансформации, которые происходят в сознании героини в момент буллинга, затрагивают всех. Однако сюжет игры с невыросшими во дворе дает возможность говорить о другом уровне характерологического конфликта, в этом эпизоде Катя почувствовала, что *можно быть счастливой, просто делая что-нибудь вместе со всеми* [Там же, с. 259], то есть не быть жертвой травли.

Взаимоотношения между людьми, описываемые в романе, становятся воплощением онтологической безнадежности, в которой живут герои: родители после работы приходят «непригодными для жизни», но все равно не могут заработать достаточно, Катя забыта матерью, отец с ней почти так же жесток, как и другие «выросшие». Конфликт Кати и других героев проецирует возможное развитие событий: травля одноклассниками продолжается, подруга Лара присоединяется к врагам. Героиня в отчаянии, и единственным существом, которое проявит к ней сочувствие, оказывается Кикимора. Почувствовав её поддержку, Катя способна дать отпор: ... *Катя*

подошла к нему и с очень выросшей силой толкнула его далеко-далеко, словно пытаясь выпихнуть из одного с собой мира [Там же, с. 193—194].

Внутреннюю антиномичность имеет и характер героини: все движения ее души направлены на стремление повзрослеть, хотя она и не понимает жизнь взрослых. Детство и школа, пока она не станет «выросшей», представляются героине как бесконечное ожидание вечера и наказания: *«Катя катится-колошматится!»* каждый день [Там же, с. 134].

Можно отметить, что Кикимора — это своего рода Альтер-эго Кати, своеобразное воплощение чувств тоски, ненужности и злости, которые испытывает героиня. Но этот образ приобретает характер, Кикимора может строить отношения с людьми, помогает Кате, спасает ее от насилия, но при этом сохраняет свою исконно магическую атрибутику (эпизод с беременной в электричке или наказание дяди Миши, после которого он сошел с ума).

Конфликт во внутреннем мире главной героини предполагает потерю ощущения идентичности вещей и событий внешнего мира, что находит отражение в хронотопе произведения.

Ведущая антиномия «ирреальное — реальное», выявленная в обоих романах, определяет все варианты пространственных и временных антиномий, о которых скажем ниже.

3. Пространственные оппозиции

Ключевую роль в формировании онтологического конфликта в магическом реализме, на наш взгляд, играет пространственный компонент.

Пространственные оппозиции в романе «Дом, в котором ...» имеют несколько уровней. Во-первых, пространство дома противопоставлено пространству внешнего мира (мир Расчесок, «наружность»). Во-вторых, для воспитанников существует дневной дом и ночной дом, что можно сопоставить с бытовым, реальным миром и мифологическим. Бытовой уровень содержания романа, воплотившийся в линейном сюжете, описывает дом и его воспитанников, но в повествовании о быте проявляется мифологическая составляющая (прежде всего это рисунки на стенах, которые способны повлиять на реальность, отсутствие имен героев, кодекс правил поведения, табу слов, поступков, мест, племенная организация и тотемы у каждого племени, «ночь сказок», «свои мертвецы»). Выпускной приравнивается воспитанниками дома к апокалипсису. Каждый выпуск ознаменован трагическими событиями, которые отчасти повлияли и на жизни, и восприятие мира главных героев (например, убийство воспитателя Лося привело к прыжку на ту сторону, откуда Кузнечик вернулся уже другим).

В пределах дома две реальности могут соприкоснуться (например, оборотень Слепой постоянно пересекает границу миров). Можно предположить, что по объему и пространственному наполнению мира равны.

Реальность в романе «Калечина-Малечина» представлена пространством провинциального городка, о котором известно, что от него до «гулливерского» города ехать на электричке. Атрибуты этого города ничем не примечательны. Описание ограничено видением героини: двор (*Ветер выл и смешно стучался о развернутые друг к другу многоэтажки* [Там же, с. 9]), забор по дороге в школу, *длинный как поезд*. Особое значение имеет описание квартиры, в которой героиня проживает свою жизнь, безлюдную и вольную, в ожидании «настоящего вечера», когда возвращаются с работы родители.

Способом создания искаженного пространства часто становится языковая игра. Так, люди жили *в одной лестничной клетке* [Там же, с. 51], *пространство зажевывала кухня со столом* [Там же, с. 128].

В этом неустроенном пространстве за газовой плитой появляется Кикимора. Она незаметна героям, все ее проделки (снеговик из посуды, смешанная крупа) списывают на Катю. Даже сама Катя недоумевает, как из связанной ею варежки получился ком спутанных нитей.

Магические атрибуты появляются в романе не сразу. Кроме того, автору удалось сюжетно балансировать на грани реальности и выпадения из нее. На наш взгляд, в романе атмосфера обыденности происходящего создается с помощью его нарративной структуры, в основном с помощью смены повествовательных точек зрения. Особенность нарративной стратегии автора состоит в использовании образа «ненадежного» нарратора, поэтому у читателя возникает ощущение, что героиня действительно выпадает из реальности, забывает, что делает, пока в конце пятой главы не появляется «созданице». Но и появляется оно на грани возможных предсмертных видений героини, после того как та открыла газовые конфорки, что может навести на мысль о неких посмертных скитаниях, мир становится как будто аналогом рая, в котором героиня становится более удачливой. Лишь взаимодействие мифологического существа с миром, реальность и видимость последствий этого взаимодействия показывают читателю, что кикимора была.

Субъективность и относительность пространства, антиномичное взаимодействие реального мира и сверхреального — важные черты магического реализма в данных произведениях.

4. Временные оппозиции

Субъективность и относительность времени повествования — также один из способов создания конфликта в романах магического реализма.

Временные планы миров дома и его изнанки в романе М. Петросьян не совпадают: так, Кузнечик, «прыгнувший» в изнанку, проживает там довольно долго, что во внешнем равно неделе, но этот промежуток приводит к необратимым изменениям как в его внешности, так и в характере: *Со мной это случилось в то самое утро. Впервые и сразу на шесть лет. Когда я пришел в себя и мне дали зеркало, я не лысины своей испугался, как все подумали. А того, что в зеркале отразился мальчишка. Которым я уже не был* [Петросьян, 2009, с. 593].

При характеристике оппозиций, по которым выстроено время в романе «Дом, в котором ...», также следует отметить его многоуровневость. Прежде всего, наблюдается оппозиция дневное — ночное: днем пространство Дома организовано по принципам реального мира, подчиняется администрации; ночью пространство Дома меняется, ирреальное становится доступным, Слепой становится оборотнем, Лес, который *не знал солнца и не пропускал ветер* [Там же, с. 141], осязается в коридорах. Символом ирреального ночного мира в дневном рациональном становятся закрашенные окна коридора и стены с рисунками, причем рисунки обладают магической силой (например, эпизод рисования дракона на стене и последующего возвращения Лорда). Особую магическую ценность имеет «Ночь сказок», во время которой даже непосвященные могут приобщиться к изнанке Дома.

Еще одна оппозиция времени: цикличность — линейность. Время магическое циклично, в отличие от относительной линейности времени реальности. Табаки так говорит о магическом времени Дома: *Время в Доме течет не так, как в Наружности. Об этом не говорят, но кое-кто успевает прожить две жизни и состариться, пока для другого проходит какой-нибудь жалкий месяц. Чем чаще ты проваливался во вневременные дыры, тем дольше жил ...* [Там же, с. 813]. Кроме указанной цикличности, можно отметить еще одну особенность магического времени, о которой говорит Хранитель времени, — время как круг, который проходит герой в изнанке Дома: *Принято думать, что время, в котором ты, — новенькое, с иголки, только что вытканное. А в природе всегда повторяется один и тот же узор. Их на самом деле совсем немного, этих узоров* [Там же, с. 773]. То есть здесь важен один из принципов изображения цикличного времени, который повторяется в произведениях и других современных авторов, например, у Е. Водолазкина в романе «Лавр» герой средневековья идет по лесу и видит под ногами пластиковую бутылку.

Временная линейность реального мира нарушена на композиционном уровне. Интересный композиционный ход предложен автором в «Доме, в котором ...»: основное повествование прерывается интермедиями — вставка-

ми из прошлого героев. Обращение к прошлому дает читателю возможность увидеть, как герои попали в Дом, как прошло их детство, как они стали причастными тайнам Дома. В силу этого появляется еще одна временная оппозиция реального мира: прошлое — настоящее. Из-за включения интермедий о прошлом в повествование о настоящем возникает возможность пересечения границы прошлого и игра с этими пластами. Это объясняет появление в конце романа взрослого Сфинкса с мальчиком, очень напоминающим Слепого-ребенка. Так, Сфинкс хочет изменить прошлое и не дать Слепому возможности увести всех пожелавших в иной мир без возможности вернуться. Помогает ему в этом Табаки, который сохраняет память о прошлом и пытается предотвратить возможность кровавой развязки.

Экзистенциальное восприятие времени и пространства — важная черта мировоззрения героя магического реализма. Центральное место в экзистенциальном мировоззрении занимает идея о хаотичности, абсурдности бытия. Человек экзистенциализма сам формирует мир вокруг, законы, по которым этот мир живет, и смыслы, важные для этого мира. Такая позиция в полной мере отражена в романе М. Петросян.

В романе Е. Некрасовой также представлена оппозиция «ночь — день», причем ночь в данной оппозиции с точки зрения героини *самое хорошее и интересное* время: *Ничего не приходилось делать или притворяться, что делаешь* [Некрасова, 2020, с. 16].

Линейное время в романе занимает вечер, когда мама плетет Кате косу, и два последующих дня, полных событиями. Время, как и пространство в романе, зависит от мировосприятия героини, например, существует вечер, когда с работы приходит мама, и «настоящий вечер», когда возвращается отец и проверяет дневник. Чаще всего время неоправданно растянуто (*Проползло какое-то время* [Там же, с. 161]), потому что героиня находится в постоянном ожидании плохого. Замедленность времени и его пустота рефреном звучат в романе: *Катя хотела подтолкнуть время, чтобы оно быстрее катилось до вечера, чтобы перестать чувствовать ужас надвигающегося* [Там же, с. 38]. Почти то же чувствует героиня и на уроках, которые плывут, «как обычно, мимо ...». Время становится насыщенным событиями с появлением Кикиморы: она помогла связать варежки, Катя побежала в школу, чтобы показать их, потом поехала с Кикиморой на электричке за город забирать украденные деньги, они успели вернуться домой до прихода родителей Кати. Тем не менее время в романе линейно и определено законами реальности. События выстроены последовательно, исключение составляют воспоминания Кати о прошлом: книгах, лагере, о том, как она застряла в лифте.

Интересен с точки зрения описания времени эпилог произведения, который предлагает описание будущего героини, после того как *Катин колтун распутался*. В этой жизни Катя и ее мама *выкраивали отрывки времени, чтобы разговаривать и рассказывать друг другу, как прошел их день* [Некрасова, 2020, с. 278]. Но в этой новой жизни нет места Кикиморе, и даже воспоминания о ней стерлись.

5. Заключение

В нашем случае анализ конфликта в двух произведениях магического реализма, а также рассмотрение системы бинарных оппозиций, которые определяют конфликт, дают возможность в итоге охарактеризовать отдельные произведения с точки зрения целостности создаваемого в них мирозобраза и вписать их в единую систему. Хотя в каждом романе заложена своя система бинарных оппозиций, все они объединены в более сложную систему, которая свойственна художественному миру магического реализма в целом. Конфликт как текстовая составляющая дает возможность увидеть общность других категорий в романах.

Новый принцип построения конфликта двух миров в романах основан на взаимопроникновении мира-морока, антимира, которым часто представлен реальный мир, и мира-изнанки, построенного по принципам мифологического мира. Но это не мифологизация действительности, как это было у художников начала XX века, у которых миры представлены с точки зрения мифологического сознания героев (например, у Ф. Сологуба). В произведениях магического реализма мифологическое и обыденное выдерживаются в таком соотношении, которое позволяет видеть в реальном мире элементы иного мира. Если говорить об авторской валентности в данных произведениях, то ее скорее можно охарактеризовать как дуализм точек зрения на происходящее: два существующих мира не исключают друг друга, а взаимопроникают. Читателю предлагается оценить реальность, которой не чужд миф или сказка.

Конфликт определяет уровни хронотопа в произведениях. В целом время и пространство фундаментально определяют картину мира любого произведения, являясь ориентирами. Пространство и время этого и иного миров линейны и часто неразделимы, границы между мирами нестабильны, например: коридоры интерната в романе М. Петросян одновременно являются лесом, за которым начинается иной мир; Катя водит Кикимору за руку, переодев в свою одежду, ездит с ней на электричке, и никто не догадывается о ее мифологической сущности, принимая за ребенка.

Пространственная антиномическая пара «здесь — там» играет большую роль в создании конфликта. Но в отличие от других художественных

систем, в которых иной мир представляет большую ценность, в магическом реализме мир «там» создан для того, чтобы разрешить противоречия реальности, которая для автора важнее.

Конфликт двоemiрия в романах мифологического реализма определяет и особое построение системы образов, которое проявляется в двойничестве героев на разных уровнях изображаемого мира. Устремленность конфликта от частного к конфликту личности и общества приводит героя к конфронтации с этим миром, после чего герой устанавливает для себя ценность окружающего мира (особенно это проявилось в романе М. Петросян, в котором многие герои предпочли после выпускного не возвращаться в «мир расчесок»). Развитие этого противостояния определяет сюжет романов.

Итак, конфликт двоemiрия обуславливает художественное своеобразие романов, написанных в рамках магического реализма. Конфликт строится на неустойчивости границ между социально-бытовым и мифологическим мирами. Наличие фантастических элементов становится жанровой константой. Читатель же переключается между регистрами восприятия, при этом доверяет повествователю, наблюдая за многогранностью художественных образов и языковой игрой в тексте.

Источники

1. Некрасова Е. Калечина-Малечина / Е. Некрасова. — Москва : АСТ. 2020. — 284 с. ISBN 978-5-17-110425-2.
2. Петросян М. Дом, в котором ... / М. Петросян. — Москва : Livebook/Гаятри, 2009. — 960 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биякаева А. В. Взаимосвязь уровней художественной реальности в текстах современного магического реализма / А. В. Биякаева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017а. — № 2 (15). — С. 70—73.
2. Биякаева А. В. Роман М. Петросян «Дом, в котором ...» в контексте современной магической прозы : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Биякаева. — Омск, 2017б. — 186 с.
3. Громова А. В. Образ антимира в романе Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» / А. В. Громова // Пушкинские чтения — 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности : жанр, автор, текст : Материалы XXIV международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2019. — С. 269—278.
4. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века : феномен и некоторые пути его осмысления / А. А. Гугнин. — Москва : ИЦ славяно-германских исследований ИСл РАН, 1998. — 117 с.

5. Злочевская А. В. Три лика «Мистического реализма» XX в : Г. Гессе — В. Набоков — М. Булгаков [Электронный ресурс] / А. В. Злочевская // Богослов.ru. — Режим доступа : http://www.bogoslov.ru/text/352754.html#_ftn6. (дата обращения 24.08.2020).

6. Калимуллина Е. В. Интерпретация образов народной демонологии в творчестве / Е. В. Калимуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10 (40). — С. 65—70.

7. Кихней Л. Г. Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX—XXI веков : монография / Л. Кихней, В. Гавриков. — Москва, Амстердам : Тардис, 2020. — 240 с.

8. Коваленко А. Г. Антиномизм и бинарный архетип в структуре художественного конфликта / А. Г. Коваленко // Вестник РУДН. Серия. Литературоведение. Журналистика. — 2003—2004. — № 7—8. — С. 5—14.

9. Кофман А. Магический реализм [Электронный ресурс] / А. Кофман // Культурология. XX век. Энциклопедия. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. — Режим доступа : <http://www.вокабула.рф/энциклопедии/культурология-xx-век-энциклопедия/магический-реализм>. (дата обращения 24.08.2020).

10. Лебедушкина О. «Дом, в котором ...» Мариам Петросян как «итоговый текст» десятилетия / О. Лебедушкина // Журнал «Филологический класс». — 2011. — № 1 (25). — С. 20—21.

11. Маслова Е. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества / Е. Маслова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — Челябинск : Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2012. — С. 254—269.

12. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров. — Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 144 с.

13. Bortolussi M. Introduction : Why We Need Another Study of Magical Realism / M. Bortolussi // Canadian Review of Comparative Literature. — 2003. — Pp. 179—293.

14. Magic realism // Drubbe M. The Oxford Companion to English Literature. 6th edition. — Oxford university press, 2000. — Pp. 629—630.

15. Fluck A. Magischer Realismus in der Malerei des 20 / A. Fluck. — Bern, Berlin : Jahrhundsrts, 1994. — 500 p.

16. Schroeder Sh. Rediscovering Magical Realism in the Americas / Sh. Shroeder. — Westport : Greenwood Publishing Group, 2004. — 183 p.

MAGICAL REALISM THROUGH THE PRISM OF ARTISTIC CONFLICT

© **Olga I. Osipova (2020)**, orcid.org/0000-0001-6783-9378, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “The Far Eastern State Technical Fisheries University” (Vladivostok, Russia), fia-fa@mail.ru.

The question of the conflict in the works of magic realism is considered. It is reported that works of magical realism spread in the twentieth century in the literature of different countries and took a strong position in Russian literature in recent decades. Attention is paid to iconic

works in modern Russian literature, written in the mainstream of magical realism. The results of the analysis of binary oppositions at the level of the chronotope and the system of characters in the works of M. Petrosyan “House in which ...” and E. Nekrasova “Kalechin-Malechin” are presented. With the help of comparative and intertextual methods, it has been proved that the traditional neorealistic conflict of two worlds, characteristic of the literature of the twentieth century, is depicted in works of magical realism, proceeding not from the principle of opposing two worlds, but on the basis of their interpenetration and the dominance of noumenal reality over the fantastic. It is proved that the commonality of antinomies and binary oppositions paradigmatically unites these works, this allows us to conclude about the unity of the artistic world of magic realism as a reflection of the author’s position. The typological approach, the search for intertextual connections determine the relevance of the study for modern literary criticism. The novelty of the research lies in the fact that the comparison of texts allows one to see the ways of modeling the conflict in its variants, taking into account the specifics of works of magical realism, in addition, both texts have not yet become an object of analysis through the prism of conflict.

Key words: conflict; magical realism; duality; chronotope of the bi-worldness; time; space; E. Nekrasova; M. Petrosyan.

MATERIAL RESOURCES

- Nekrasova, E. (2020). *Kalechina-Malechina* [Kalechina-Malechina]. Moskva: AST. 284 p. ISBN 978-5-17-110425-2. (In Russ.).
- Petrosyan, M. (2009). *Dom, v kotorom ...* [The house in which ...]. Moskva: Livebook / Gayatri. 960 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Biyakayeva, A. V. (2017a). Vzaimosvyaz’ urovney khudozhestvennoy realnosti v tekstakh sovremennogo magicheskogo realizma [Interrelation of levels of artistic reality in texts of modern magic realism]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of Omsk state pedagogical University. Humanities research], 2 (15): 70—73. (In Russ.).
- Biyakayeva, A. V. (2017b). *Roman M. Petrosyan «Dom, v kotorom...» v kontekste sovremennoy magicheskoy prozy*. PhD Diss. [Roman M. Petrosyan “The House in which ...” in the context of modern magical prose. PhD Diss.]. Omsk. 186 p. (In Russ.).
- Bortolussi, M. (2003). Introduction: Why We Need Another Study of Magical Realism. In: *Canadian Review of Comparative Literature*. 179—293.
- Fluck, A. (1994). *Magischer Realismus in der Malerei des 20. Bern, Berlin: Jahrhundertsts*. 500 p.
- Gromova, A. V. (2019). Obraz antimira v romane Evgenii Nekrasovoy «Kalechina-Malechina» [The image of the anti-world in Yevgenia Nekrasova’s novel “Kalechina — Malechina”]. *Pushkinskiye chteniya — 2019. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr; avtor; tekst: Materialy XXIV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Pushkin readings — 2019. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: proceedings of the XXIV international scientific conference]. Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. S. Pushkina. 269—278. (In Russ.).
- Gugin, A. A. (1998). *Magicheskii realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka: fenomen i nekotoryye puti yego osmysleniya* [Magic realism in the context of literature

- and art of the twentieth century: the phenomenon and some ways of understanding it]. Moskva: NTs slavyano-germanskikh issledovaniy ISI RAN. 117 p. (In Russ.).
- Kalimullina, E. V. (2014). Interpretatsiya obrazov narodnoy demonologii v tvorchestve [Interpretation of the images of the folk demonology in the works]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 10 (40): 65—70. (In Russ.).
- Kikhney, L. G., Gavrikov, V. (2020). *Proza Lva Naumova v kontekste «misticheskogo realizma» v russkoy literature XX—XXI vekov: monografiya* [Prose of Lev Naumov in the context of “mystical realism” in Russian literature of the XX—XXI centuries: monograph]. Moskva, Amsterdam: Tardis. 240 p. (In Russ.).
- Kofman, A. (1998). Magicheskiy realizm [Magic realism]. In: *Kulturologiya. XX vek. Entsiklopediya* [Cultural studies. XX century. Encyclopedia]. Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. Available at: <http://www.vokabula.rf/entsiklopedii/kul'turologiya-khkh-vek-entsiklopediya/magicheskiy-realizm>. (In Russ.). (accessed 24.08.2020).
- Kovalenko, A. G. (2003—2004). Antinomizm i binarnyy arkhetip v strukture khudozhestvennogo konflikta [Antinomism and binary archetype in the structure of artistic conflict]. *Vestnik RUDN. Seriya. Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [RUDN Bulletin. Series. Literary study. Journalism], 7—8: 5—14. (In Russ.).
- Lebedushkina, O. (2011). «Dom, v kotorom ...» Mariam Petrosyan kak «itogovyy tekst» desyatiletiya [“The house in which ...” Mariam Petrosyan as the “final text” of the decade]. *Zhurnal «Filologicheskiy klass»* [Journal “Philological class”], 1 (25): 20—21. (In Russ.).
- Magic realism. (2003). In: Drubbe, M. *The Oxford Companion to English Literature. 6th edition*. Oxford university press. 629—630.
- Maslova, E. (2012). Magicheskiy realizm kak paradigma kulturno-khudozhestvennogo soznaniya sovremennogo obshchestva [Magic realism as a paradigm of cultural and artistic consciousness of modern society]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical University]. Chelyabinsk: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 254—269. (In Russ.).
- Schroeder, Sh. (2004). *Rediscovering Magical Realism in the Americas*. Westport: Greenwood Publishing Group. 183 p.
- Todorov, Ts. (1999). *Vvedeniye v fantasticheskuyu literaturu* [Introduction to fantastic literature]. Moskva: Dom intellektualnoy knigi. 144 p. (In Russ.).
- Zlochevskaya, A. V. *Tri lika «Misticheskogo realizma» KhKh v: G. Gesse — V. Nabokov — M. Bulgakov* [The Three faces of “Mystical realism” of the twentieth century: Hermann Hesse, V. Nabokov, M. Bulgakov]. In: Bogoslov.ru. Available at: http://www.bogoslov.ru/text/352754.html#_ftn6. (In Russ.). (accessed 24.08.2020).